

НАРОДЫ СССР

В. Н. Белицер. *Очерки по этнографии народов коми*, XIX — начало XX в. Труды Института этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР. Новая серия, т. XLI, М., 1958, 392 стр., 150 илл.

В числе задач, стоящих перед советской этнографией, в первую очередь надо отметить фиксацию современного состояния культуры народов СССР, изменений, внесенных Великой Октябрьской социалистической революцией во все области жизни. Изучение пережитков более ранних общественно-экономических формаций и, наконец, разработку проблемы этногенеза, в которой этнографии принадлежит почетное место.

Все эти задачи поставил перед собой автор книги «Очерки по этнографии народов коми, XIX — начало XX в.». По сравнению со своими предшественниками В. Н. Белицер построила работу на несравненно более широкой базе. Ею использованы все старые и новые архивные, музейные, литературные и этнографические материалы в том числе ее собственные полевые наблюдения. Если к этому прибавить методологию исследователя, отвечающую требованиям марксистско-ленинской исторической науки, станет понятна ценность данного труда.

Богато иллюстрированная книга открывается небольшим введением от автора, в котором определены задачи, поставленные в данном исследовании. В четырех больших разделах («Общие исторические сведения о народах коми», «Хозяйственные занятия», «Материальная культура», «Семейный быт и духовная культура») всесторонне освещена культура народов коми и изменения в ней, обусловленные Великой Октябрьской социалистической революцией. Заключение подводит итоги данного исследования. В приложении даны: основная литература по народам коми, указатель терминов на языках коми, список иллюстраций.

Положительной стороной книги является привлечение археологических, письменных и лингвистических данных.

Как видно из изложенного, в книге отсутствует история вопроса, разбор хотя бы основной литературы и оценка важнейших этнографических исследований. Правда, автор в разных местах книги дает критический разбор работ своих предшественников, но читатель получил бы более полное впечатление при наличии особой историографической части.

Исчерпывающий обзор литературы по истории и этнографии народов коми был дан в конце прошлого века в очерке профессора Казанского университета И. Н. Смирнова «Пермяки» (Казань, 1891). Однако с тех пор прошло немало времени, появились новые работы, касающиеся различных сторон жизни народов коми. Главное же, коренным образом изменилась методология, в силу чего и оценка работ требует пересмотра установившихся взглядов. Нельзя пройти мимо проблемы Биармии, имеющей непосредственное отношение к истории народов коми, а в связи с этим необходима оценка древних норвежских сказаний. Небезынтересны для истории коми и житие святого Стефана, и ряд других свидетельств.

При наличии новых археологических исследований, позволяющих всесторонне охарактеризовать культуру коми на протяжении длительного времени, необходимым была новая критическая оценка таких источников, как, например, карта Fга Мауги. Нельзя забывать, что в науке имеют еще хождение труды М. Кастрена, Д. Европеуса, М. Веске, И. Аспелина, требующие критики в свете нового материала, выделенного в них устарелого и, с другой стороны, того, что еще сохранило значение. Неравноценна и новая литература, вышедшая за советский период. Здесь, наряду с весьма важными исследованиями Л. П. Лашука, В. И. Лыткина, А. С. Сидорова и самого автора книги, имеется и сомнительная работа В. М. Подорова «Очерки по истории коми (зырян и пермяков)».

Исследование начинается общими историческими сведениями о народах коми. Дано определение этнонима коми, территории, которую они занимают в настоящее время.

История края дана на основе всей совокупности археологических данных с включением всех новейших материалов.

Если не считать некоторой неточности в определении хозяйства племен ананьинской культуры, основу которого составляли уже не охота и рыболовство, а скотоводство и мотыжное земледелие, то все положения автора соответствуют уровню современной науки. Что касается этнической интерпретации некоторых археологических памятников, то нельзя не заметить спорности ряда положений. В настоящее время нет оснований сомневаться в отнесении ананьинских племен к числу финно-угорских. Это положение доказано в ряде работ и не нуждается в дополнительной аргументации. Поэтому есть все основания полагать, что и культура, к которой относится Ванвиздинская стоянка, так же как галицкая и черняковская культуры, тоже принадлежит к финно-угорской языковой системе. Сохранившиеся остатки неизвестного языка, отмеченные автором, с окончаниями на -ма, -га, нет никаких оснований относить к населению культуры Ванвиздинской стоянки. Правда, считать ванвиздинцев непосредственными предками коми нет оснований, но все же это было население, принадлежащее к финно-уграм.

В связи с разрешением проблемы этногенеза народов коми автор привлекает, наряду с археологией, и лингвистику.

Поставленный автором вопрос (стр. 9) о территории, где сложился язык-основа угро-финских народов, едва ли можно разрешить в настоящем исследовании. Этот вопрос требует привлечения более широкого материала, главным образом лингвистического. Едва ли можно полагать, что этнография может решить эту проблему. Соседство с ираноязычными племенами, на что ссылаются В. И. Лыткин и автор настоящей монографии, не помогает разрешению этой проблемы, так как это соседство сохранялось вплоть до гуннского нашествия. Положение, высказанное на стр. 10 о наличии единства финно-угров еще примерно за два-три тысячелетия до нашей эры, может быть принято как самая поздняя дата. Вероятнее всего, что это единство относится еще ко времени мезолита или раннего неолита. Во всяком случае, в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тысячелетия до н. э.) и раннего железного века (время ананьинской культуры) говорить о таком единстве уже нельзя. Сама ананьинская культура, как мы знаем из работы А. В. Збруевой «История населения Прикамья в ананьинскую эпоху» (МИА, № 30, 1952), представляет в рамках этнической общности комплекс небольших локальных групп, имеющих своеобразные черты. А. В. Збруевой были выделены эти группы районов Верхней Камы, Нижней Камы и Вятки, рек Белой и Ветлуги. К аналогичному выводу пришли и другие исследователи, например автор настоящей рецензии в работе «Очерки древней и средневековой истории Среднего Поволжья и Прикамья», (МИА, № 28, 1952). К этому времени уже сформировалась поволжская группа, включающая городецкую и дьяковскую культуры, также принадлежавшие к финно-угорской языковой группе. Позднее, в конце I тысячелетия до н. э., в первую половину I тысячелетия н. э. — в эпоху пьнеборской культуры продолжала сохраняться этническая карта, зафиксированная для ананьинского времени. Для конца I тысячелетия н. э., когда, по мнению Белицер, произошел распад языка-основы на удмуртский и коми, эта карта была подтверждена археологическими данными, но самый процесс распада языка-основы следует отнести к значительно более раннему времени.

Широкое и критическое использование археологических данных позволило автору правильно осветить культуру древних коми, как мы ее знаем на основе работ покойного исследователя Прикамья М. В. Талицкого. В. Н. Белицер права, говоря о последовательном развитии культуры на протяжении длительного времени, не нарушаемом никакими крупными передвижениями племен. Это положение совершенно верно. Внедрение сарматского, а по иной точке зрения — угорского населения в Енисей явилось незначительным событием. Эти племена, оставившие такие памятники своего пребывания, как курганы Харинские или Качка на Средней Каме, растворились в местной этнической среде и, по-видимому, не оказали большого влияния на последующее развитие культуры края. В целом читатель из данного раздела выносит ясное и правильное представление о сложении коми-пермяков и коми-зырян ко времени X—XI вв. н. э.

Разбирая материал, характеризующий хозяйство племен коми в начале II тысячелетия н. э., В. Н. Белицер правильно отметила, что основой хозяйства прикамских коми в XII—XV вв., когда с ними познакомились русские, было уже пашенное подсежное земледелие. Правда, ниже, на стр. 29, она смягчает это положение, отметив, что развитие плужного земледелия в Прикамье и на Вычегде, весьма вероятно, не лишено было славянского влияния, так как некоторые пермские сошники по форме близки к славянским, найденным на Русском Севере. Это положение верно лишь частично. Есть отдельные общие формы земледельческих орудий у русского народа и коми. Однако древнейшие формы сошников, найденные в слое, хорошо датированном монетами X в., имели иную, своеобразную форму, не встречаемую в русских землях¹. Таковы находки с Донды-Карского и Кушманского городищ.

В книге хорошо освещен процесс феодализации у коми и внедрения русских, которое документируется XII в. Основные вехи исторического развития XV—XIX вв. освещены в степени, достаточной для понимания истории культуры народов коми. Не могу не отметить некоторые неточности в этой части работы. Так, на стр. 21 сказано, что классовое расслоение пермяцкой деревни началось в крепостное время. По-видимому, начало этого процесса относится к значительно более раннему времени, когда стали складываться феодальные отношения. Свообразие расслоения, отмеченное автором для более позднего времени, второй половины XIX в., состоит в выделении кулачества и полном обезземеливании части сельского населения. Правильно указав на культурную и экономическую отсталость коми в царское время, автор на стр. 23 чересчур категорично утверждает, что до Великой Октябрьской социалистической революции на территории Коми АССР и Коми-Пермяцкого национального округа почти не было промышленности, за исключением мелких кустарных предприятий по обработке кожи и выделке замши, солеварен и металлургических заводов с устаревшим техническим оборудованием, недра края почти не использовались, а лесные богатства расхищались. Вместе с тем выше (стр. 18—22) указаны значительные промышленные предприятия, существовавшие уже в XVIII в. Приведенный в книге список заводов может быть увеличен. Надо было бы отметить Мотовилихинский завод, существовавший с 1736 г., Елошанский,

¹ См. А. П. Смирнов, Донды-Карское городище, «Тр. Научн. о-ва по изучению Вятского края», вып. IV, Ижевск, 1928; его же, Финские феодальные города, Сб. «На удмуртские темы», М., 1931, стр. 56, 60—61.

Висимский, Пыскорский, Пермский заводы. Нельзя забывать, что в самом конце XIX — Пермский завод считался передовым в отношении технического оборудования. Он имел различные мастерские, в том числе с заграничным новым оборудованием, на пример печи Сименса-Мартена, а с другой стороны, — и новым русским. Гордость завода в то время был 50-тонный паровой молот с весом падающей массы свыше 3 тыс. пудов, а при действии верхнего пара — с силой удара до 100 тыс. пудов, так что молот этот с полной справедливостью считался одним из крупных в промышленности того времени. Этот пример показывает, что тезис о примитивности техники в Приуралье в царское время не совсем верен. Наряду с весьма отсталыми в техническом отношении небольшими предприятиями, существовали и крупные, с передовой, в тогдашнему уровню, техникой. Не совсем точно освещено и положение с открытием нефти в советский период. Ухтинская нефть была известна значительно раньше но ее разработка, имеющая промышленное значение, в то время не велась.

В целом же исторический раздел дает правильное представление об этногенезе и родов коми и правильно трактует основные этапы их истории. В книге дана всесторонняя характеристика социалистического периода. Хорошо показаны и экономические и культурный рост этих народов. Читатель узнает не только о бытовых, но и о коренных изменениях во всех областях жизни: в экономике, науке, искусстве и литературе.

Следующий раздел посвящен хозяйственным занятиям. Начало развития сельского хозяйства на территории коми-зырян и коми-пермяков раскрыто на большом археологическом материале, начиная с эпохи раннего железа. Здесь автор допустил небольшую неточность, отнес развитие скотоводства к послепалеолитическому времени, к первым в кам нашей эры. Как можно судить по данным, приведенным в указанной работе А. В. Збруевой, скотоводство получило большое развитие уже в ананьинскую эпоху (стр. 49).

Более поздние эпохи — XVI—XVIII вв. — проанализированы автором на основе жованных грамот и писцовых книг. История развития земледелия и скотоводства в этих разделах замечаний не вызывает. Конец XIX — начало XX в. получили исчерпывающую характеристику. В основу изучения положены статистические материалы, описания путешественников и материалы, собранные автором монографии при этнографических поездках. В науке впервые с такой полнотой получили конкретную характеристику вопросы землевладения, земледельческой техники и системы земледелия. Четко выявлено своеобразие их у народов коми и черты, общие с их соседями — русскими. Такую же исчерпывающую оценку получило скотоводство, причем выяснено своеобразие его в отдельных районах. Интересны страницы, освещающие систему охоты. Охотничьи маршруты, подробно исследованные автором, представляют интерес не только для этнографов, но и для археологов. В этом разделе рассмотрены многочисленные орудия лова, бытовавшие в досоветский период. Исчерпывающую оценку получило и рыболовство. Во всех разделах при характеристике технической базы и организации труда отмечены изменения в системе хозяйства, наступившие в советское время.

Весьма подробно разобраны домашние производства, ремесла и промыслы. Исчерпывающая и всесторонняя характеристика этого раздела культуры представляет большую ценность для истории хозяйства, в частности важны страницы, посвященные ремеслу и мелкой промышленности. В. Н. Белицер выявила архаические черты в организации производства мелких капиталистических предприятий.

Значительный материал положен в основу раздела «Пути сообщения и средства передвижения». Записки путешественников, начиная от Герберштейна до начала XX в., позволили исследователю подробно разобрать этот вопрос.

Интересны наблюдения над использованием саней в качестве погребального катафалка, практиковавшимся еще в 20-х годах нашего столетия. В этой связи в книге приведен большой сравнительный материал, показывающей широкое распространение этого обычая с весьма раннего времени. Много помогает понять в этом вопросе разбор терминов. В качестве небольшого замечания отмечу, что лошадь известна в Приуралье еще с эпохи раннего железа (стр. 135), а значительно раньше. Во всяком случае в памятниках прикладного искусства сейминской культуры известна фигурка лошади, датируемая половиной II тысячелетия до н. э.

Много внимания уделит автор вопросу о поселениях. Хорошо показано, как в силу природных условий, историко-культурных традиций и хозяйственной деятельности у народов коми сложились различные типы поселений, отражающие различные исторические этапы. Детальный анализ самих планов, терминов позволил автору убедительно выделить древнейший, гнездовой план, обусловленный еще первобытными и феодальными отношениями, и более поздние планы, выработанные при капиталистических отношениях. Отмечены и изменения в характере деревень, связанные с социалистическими отношениями. Удачно использован анализ терминов и легенд, относящихся к истории возникновения различных поселений.

Разбирая характер жилищ, автор также привлекает археологические данные. Использование сравнительного материала позволило выделить более архаические и новые формы жилищ. Этот анализ дан с учетом семейных отношений. Выделены локальные варианты жилых строений.

Отдельный раздел посвящен декоративному убранству дома. Здесь большое место отведено конским головам и фигурам птиц. Пожалуй, мало внимания уделила В. Н. Белицер выявлению магического значения этих фигур. Некоторые воспоминания местных

жителей, записанные автором, и работа Я. К. Сыропятова — это, пожалуй, все, что приведено в книге для выявления смыслового значения фигур, утраченного в настоящее время. Автор не привел в данном случае аналогий, известных в этнографических и археологических данных. А между тем в Прикамье значение лошадиной головы в качестве оберега прослеживается в материале волжских болгар, у которых лошадиные головы клали под угол дома или закапывали в подполье. В costume населения Прикамья у предков коми широко практиковались привески с парными лошадиными головами. Должен заметить, что резьба, опубликованная на стр. 214 (рис. 85), также представляет головки лошадей и птиц, переданных в стилизованном виде.

Интересно описание обрядов, сопровождавших постройку дома, и изложение наблюдений М. К. Супинского, Н. Я. Рогова и других авторов (стр. 215) о закладке под угол дома монет, шерсти или кудели. Этот обычай имел широкое распространение начиная с глубокой древности и не является специфически местным, как можно понять из текста книги. Если брать близкие примеры, то можно указать находки под углом домов серебряных монет и украшений на Нижней Каме у болгар.

Разнообразен материал по разделу «Пища» и «Утварь», но особенно интересны страницы о народной одежде. В. Н. Белицер сама много работала по этой тематике, ее наблюдения и скрупулезный анализ этого материала позволяют решить ряд историко-культурных вопросов. Подробно анализируя все составные части женского и мужского костюма, она выделила три комплекса мужской одежды, связанных со своеобразием хозяйства на данной территории. В одежде коми ею убедительно выявлены четыре хронологических пласта: древний, представленный простейшими формами, общими для охотников и рыбаков; второй пласт, близкий одежде других финно-угорских народов; третий — близкий русской одежде, по мнению В. Н. Белицер, являющийся специфически народным как для коми, так и для русских; четвертый — оленеводческая одежда, заимствованная от ненцев. Интересны украшения, часть которых, несомненно, восходит к древним прототипам, но опубликованные на рис. 129 серьги по внешнему виду напоминают изготовляемые кустарями-татарами в Рыбной слободе Лашевского района ТАССР, откуда они распространялись по всему Приуралья. Серьги в виде кольца со стержнями с наизнанными бусами получили особенно широкое распространение после XIV в. Едва ли их можно считать характерными для коми. Мы встречаем их и у мордвы, и у мари, и у удмуртов.

Отдельные разделы монографии посвящены семье и браку, народным верованиям и обрядам. Интересен материал по народному творчеству. Здесь читатель имеет возможность детально познакомиться и с прикладным искусством, и с народной сказкой. В последнем разделе есть предания о богатырях и о чуди, которую коми считают своими предками.

Книга В. Н. Белицер — крупнейшее исследование по этнографии народов коми. Оно не только вводит в науку прекрасно разобранный, исчерпывающий этнографический материал, но и дает стройный очерк истории культуры. Весь этнографический материал проанализирован путем сопоставления с археологическим материалом, с различными письменными документами, памятниками устного творчества. Автором привлечен широкий круг сравнительных данных, выделены в отдельных разделах культуры последовательные хронологические пласты, развитие культуры связано с этапами развития общества, выявлены черты, общие культуре ряда народов, иногда различных по происхождению и языку.

В. Н. Белицер отметила отсутствие культурного единства между отдельными народами финно-угорской языковой системы, что указывает, как она справедливо отмечает, на большую древность языковой общности этих народов. В современной культуре коми, эстонцев, сумов, мари нет особой близости, что объясняется различной историей этих народов. Ее работа разрушает старую точку зрения о единой монолитной культуре финно-угорских народов. Последняя теория, обоснованная в свое время М. Кастреном, И. Аспелином, А. Гейкелем, У. Сирелиусом и А. Тальгреном, не выдержала проверки временем. Точный всесторонний анализ материала, взятого не выборочным порядком, а в целом, показывает, что в культуре народов коми есть черты, общие с другими финно-угорскими народами, так же как есть и черты, общие с народами другой языковой системы, с которыми их связывает общий исторический путь. Поэтому, например, близость с русской культурой весьма значительна, так как связи со славянами начались с X—XI вв. «Усваивая многие культурные достижения своих русских соседей, — пишет В. Н. Белицер, — коми по-своему перерабатывали их и обогащали тем самым свою культуру, передавая и в свою очередь русским многочисленные навыки, выработанные в условиях таежной природы» (стр. 369).

Книга В. Н. Белицер заслуживает самой положительной оценки. Выход ее в свет — большое событие в исторической науке.

А. П. Смирнов